

МИХАИЛ ЕЛИСЕЕВ

ВОИНЫ АЛЕКСАНДРА
МАКЕДОНСКОГО

Михаил Борисович Елисеев

Воины Александра Македонского

Серия «Лучшие воины в истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48845162

*Воины Александра Македонского / Михаил Елисеев: Эксмо, Яуза;
Москва; 2019*

ISBN 978-5-04-106350-4

Аннотация

2 августа 338 г. до н. э. около небольшого городка Херонея, расположенного в Центральной Греции, на обширной равнине встретились македонская армия под командованием царя Филиппа II и войска антимакедонской коалиции греческих городов-государств. В последовавшей затем битве эллины потерпели сокрушительное поражение. Наступила новая эпоха, связанная с завоевательными походами македонской армии на восток, которые возглавил сын Филиппа II Александр.

За три года воины Александра разгромили крупнейшую державу мира – Персидскую империю, после покорили Среднюю Азию и вторглись в Индию. За 10 лет войн Александр создал мировую империю, простиравшуюся от Греции до Индии.

Что позволило македонцам разгромить лучшие армии мира и покорить всю Ойкумену? Почему после смерти Александра Великого воины его победоносной армии оказались по разные стороны баррикад и сражались друг против друга? Была ли возможность сохранить великую империю Александра Македонского?

На эти и многие другие вопросы дает ответы в своей новой книге Михаил Елисеев.

Содержание

Предисловие	5
I. Армия Филиппа II	8
1. Армия Македонии в IV в. до н. э	8
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Михаил Елисеев

Воины Александра Македонского

Предисловие

2 августа 338 г. до н. э. около небольшого городка Херонея, расположенного в Центральной Греции, на обширной равнине встретились македонская армия под командованием царя Филиппа II и войска антимакедонской коалиции греческих городов-государств. В последовавшей затем битве эллины потерпели сокрушительное поражение. Наступила новая эпоха, связанная с завоевательными походами македонской армии на восток. Затем последовали войны диадохов, по итогам которых на обломках империи Александра Македонского образовались новые государства. Несмотря на то что восточные походы Александра занимали важное место в военной истории Македонии, они были лишь одним из её эпизодов. Не меньшее значение имели войны диадохов и противостояние с Римом.

Цель данной работы вполне конкретная – в доступной форме дать краткий обзор структуры и организации македонской армии в IV в. до н. э., рассмотреть наиболее зна-

чительные битвы и сражения, в которых наглядно проявились как сильные, так и слабые стороны македонской военной школы. Рассказать не только о победах, но и о поражениях македонян. Исходя из поставленных в работе задач, политическая история Македонии рассматриваться не будет, а ход военных кампаний будет представлен в общих чертах. Главное внимание будет уделено тактике македонян на поле боя. Данная книга является популярной работой, рассчитанной на массового читателя, а не узконаправленной монографией для ограниченного круга специалистов или энциклопедией по военному искусству Александра Великого. Поэтому в ней отсутствует как научный аппарат, так и разбор различных вялотекущих дискуссий, которые долгие годы ведутся по некоторым аспектам проблемы. Я сознательно решил не перегружать книгу ненужными деталями.

Временные рамки данной работы ограничены периодом от создания новой македонской армии Филиппом II до битвы при Ипсе в 301 г. до н. э. Связано это с тем, что многие воины, начав службу при Филиппе, продолжили её при Александре, а затем приняли участие в войнах диадохов. Наглядным примером является история македонских ветеранов, воевавших в корпусе аргираспидов. Воины победоносной армии Александра Великого после смерти своего царя оказались по разные стороны баррикад и сражались друг против друга под знаменами диадохов. В этом была величайшая трагедия не только македонской армии, но и самой Ма-

кедонии. Походы Александра, войны диадохов и эпигонов, нашествие кельтов привели к тому, что в стране разразилась демографическая катастрофа. Как справедливо заметил Тит Ливий, *«бесперывные войны истребили уже многие поколения македонян»* (XXXIII,3). В конечном итоге именно данный фактор больше всего способствовал поражению Македонского царства в противостоянии с Римской Республикой.

I. Армия Филиппа II

1. Армия Македонии в IV в. до н. э

Античная Македония располагалась на территории одноименной современной греческой провинции и частично Республики Македония. Исторически страна делилась на две части – Верхнюю Македонию и Нижнюю Македонию. К Нижней Македонии относились плодородные земли приморской области Пиерии, а также области Анфемунт, Грестония, Бисалтия и Мигдония. В состав Верхней Македонии входили Линкестиды, Эордея, Тимфея, Пелагония, Элимиотида и Орестида. В отличие от Нижней Македонии, эти горные регионы не отличались плодородием, поэтому местное население в основном занималось скотоводством. Возможно, именно жителей Верхней Македонии подразумевал Александр Великий, когда во время мятежа в Описе обращался к бунтующим солдатам: *«Филипп застал вас нищими-бродягами; одетые в кожаные сапоги, пасли вы в горах по нескольку штук овец и с трудом отбивали их от иллирийцев, трибалов и соседей-фракийцев»* (Агг.Анаб. IX, 9). До правления Филиппа II Верхняя Македония лишь номинально подчинялась царям из династии Аргеадов, что самым негативным образом сказывалось на обороноспособно-

сти страны.

Античная Македония. IV в. до н. э.

На западе Македония граничила с Иллирией, на севере — с дарданами, на северо-востоке и востоке — с землями, населенными фракийскими племенами. На юго-западе и юге соседями Македонии были Эпир и Фессалия, самая северная область Греции. Горные отроги отделяют Нижнюю Македонию от Эллады, поэтому самый короткий путь из одной страны в другую пролегает через Темпейское ущелье. Это узкий проход в горах, по дну которого несет свои во-

ды река Пеней (совр. Пеньос). Около города Тонн в Перрелии есть ещё один проход из Фессалии в Верхнюю Македонию, именно этим путем войско персидского царя Ксеркса прошло в Грецию (Herod.VII, 173). Во время этой достопамятной войны македоняне сражались на стороне персов, хотя и симпатизировали эллинам. По свидетельству Геродота, македонский царь Александр I оказал грекам ряд важных услуг, за что и был удостоен от современников прозвища Филэллин. Что не помешало Александру выдать свою сестру Гигею замуж за знатного перса Бубара. Сын Гигеи и Бубара получил македонское имя Аминта и в дальнейшем проживал на территории Малой Азии в крепости Алабанде. Её пожаловал племяннику Александра персидский царь Ксеркс (Herod.VIII,136). В своём труде Геродот приводит родословную македонского царя Александра I: *«Александр происходит следующим образом. Александр был сын Аминты, Аминта – сын Алкета, отец Алкета был Аероп, отец Аерона – Филипп, отец Филиппа – Аргей, отец Аргея – Пердикка, тот самый, который приобрел царскую власть. Таково происхождение Александра, сына Аминты»* (VIII,139). «Отец истории» подробно излагает предания, связанные с утверждением в

Македонии династии Тименидов. Но скорее всего эти сведения являются пересказом местных легенд и вряд ли отражают реальное положение дел.

Всё, что нам известно о Македонии, сохранилось в тру-

дах либо греческих, либо римских авторов. Соответственно, они рассматривали не историю Македонии в целом, а лишь её отдельные эпизоды, например, походы Александра Великого. Или же рассказывали о ней в контексте римской, греческой и всеобщей истории, как это присутствует в трудах Фукидида, Тита Ливия и Полибия. Поэтому оценка историками античности деятельности македонских царей не всегда является объективной.

Краткий очерк истории Древней Македонии сделал Фукидид: *«К Македонии принадлежат также линкесты, эллиоты и другие племена внутри материка, которые воевали вместе с македонянами и были подчинены им, хотя каждое племя имело своего царя. Нынешней приморской Македонией овладел прежде всего Александр, отец Пердикки, и предки его Темениды, вышедшие в древности из Аргоса; они воцарились там после того, как одолели в сражении пиериян и вытеснили их из Пиерии; пиерияне поселились потом у подножия Пангея по ту сторону Стримона, где заняли Фагрет и другие местности (и теперь еще береговая полоса под Пангеем, обращенная к морю, называется Пиерийскою бухтою). Из страны, именуемой Боттией, они вытеснили боттиеев, которые живут теперь на границе с халкидянами. В Пеонии македоняне овладели узкою полосой земли вдоль реки Аксия, простирающейся на материке вплоть до Пеллы и моря; по ту сторону Аксия они владеют так называемой Мигдонией до реки Стримона, откуда они вытеснили эдонов. Из нынеш-*

ней так называемой Эордии македоняне вытеснили эордов, большая часть которых погибла, и лишь немногие из них поселились в окрестностях Фиски. Из Алмоши вытеснены были алмоны. Македоняне покорили своей власти и остальные племена, которыми владеют и по настоящее время; они взяли также Анфемунт, Грестонию, Бисалтию и многие области собственных македонян. Все эти земли носят общее название Македонии» (11,99).

Македоняне были храбрыми людьми и прирожденными воинами, об этом свидетельствовали некоторые их древние обычаи: «В Македонии был в старину закон, в силу которого человек, не убивший ни одного неприятеля, должен был подпоясываться недоуздом» (Arist.Pol. VII,II,6). Но для того, чтобы успешно противостоять внешним вызовам, одной храбрости мало, стране была необходима современная, хорошо вооруженная и обученная армия. Но как раз с этим были проблемы: «Македонская армия была плохо оснащена и состояла из плохо обученных крестьян, набранных по призыву и не способных противостоять захватчикам» (97,31). Исключение составляла кавалерия македонских аристократов, заслужившая высокую оценку современников. Например, спартанского полководца Телевтия, брата знаменитого царя Агесилая. Во время похода к Олинфу в рядах его армии находился кавалерийский отряд Дерды, правителя македонской области Элимии, насчитывающий четыре сотни бойцов. Перед боем с олинфянами Телевтий поставил маке-

донян на почетном правом фланге вместе со спартанским отрядом, «потому что был высокого мнения об этой коннице» (Xen.Hell.V,2,40).

Военные традиции Македонии подразумевали обязательное присутствие на поле боя царя. В этом плане интересен рассказ Юстина о царе Аэропе I, правившем в VI в. до н. э. и в младенческом возрасте принявшем участие в генеральном сражении: «... в это время у македонян непрерывно шли войны с фракийцами и иллирийцами. Закалившись в этих боях, точно в ежедневных воинских упражнениях, македоняне внушали своим соседям страх славой о своих бранных подвигах. И вот теперь иллирийцы решили использовать то обстоятельство, что в Македонии царем оказался младенец, и пошли на македонян войной. Когда же македоняне были разбиты в одной битве, они вынесли своего царя в колыбели, поставили ее сзади своей боевой линии и с ожесточением возобновили бой, как бы считая, что они были побеждены потому, что сражались не пред лицом своего царя, а теперь победят, так как их вера укрепит их волю к победе. В то же время владела ими и жалость к ребенку, который, как казалось им, по их вине превратится из царя в пленника, если они будут побеждены. Итак, снова завязав сражение, они в жестоком бою рассеяли иллирийцев и этим доказали своим врагам, что и в предыдущем бою македонянам не мужества недоставало, а царя» (VII,2). Поэтому нет ничего удивительного в том, что Филипп II и Александр Великий лично води-

ли в бой своих воинов. Недаром знаменитый ритор Исократ в письме к Филиппу выговаривал базилевсу за его излишнее увлечение рукопашными схватками: *«Нет ведь такого человека, который не признал бы, что ты слишком охотно, более чем это подобает царю, подвергаешь себя опасности, что ты больше стремишься снискать себе славу храбреца, чем решать дела высшей важности. Но ведь одинаково заслуживает порицания как то, что ты не окажешься более храбрым, чем другие, когда тебя окружают враги, так и то, что ты подвергаешь себя опасности, когда в этом нет необходимости, бросаясь в подобные схватки; причем, если ты и одержишь верх, все же не совершишь тем самым ничего великого, погибнув же, потеряешь вместе с жизнью все существующее благополучие»* (11,3).

Некоторое представление о стратегии и тактике македонян дает Фукидид. Во время правления Пердикки II (454–413 г. до н. э.) началась война между Македонией и фракийским царем Ситалком. В 429 г. до н. э. огромное войско фракийцев вторглось в Македонию и опустошило большую часть страны: *«Ввиду наступающего многочисленного войска вышеупомянутые македоняне, не будучи в состоянии обороняться, удалились в естественные и искусственные укрепления, бывшие в их стране. В то время число укреплений было невелико; только впоследствии сын Пердикки Архелай, сделавшись царем, соорудил нынешние укрепления в Македонии, проложил прямые дороги, привел все в порядок,*

в особенности военное дело, улучшил конницу, вооружение и прочие военные приспособления. Он сделал больше, нежели все предшествовавшие ему восемь царей вместе. Фракийское войско раньше всего вторглось из Добера в прежние владения Филиппа, силою взяло Идомену; Гортиния же, Аталанта и несколько других пунктов сдались по соглашению, присоединившись к Ситалку из дружбы к сыну Филиппа Аминте, находившемуся тут же. Фракияне осадили также Европ, но не могли взять его. Потом они продолжали путь в остальную часть Македонии влево от Пеллы и Кирра. Дальше этих пунктов, до Боттией и Пиерии, они не дошли, но стали опустошать Мигдонию, Грестонию и Анфемунт. Что касается македонян, то они и не думали выступить против неприятеля с пехотой, а присоединили к своей коннице материковых союзников и, каждый раз действуя с небольшим числом воинов против множества неприятелей, нападали на войско фракиян всюду, где находили это удобным. Где бы конные воины ни нападали, никто не выдерживал натиска храбрых и защищенных броней всадников; а когда их окружало множество неприятелей, они сами кидались в опасность, так как неприятель превосходил их численностью во много раз; наконец, они стали держать себя спокойно, чувствуя не в силах рисковать против более многочисленного врага» (Thuc. II, 100). По большому счёту, в сложившейся ситуации у македонян просто не было другого выхода, учитывая плачевное состояние их вооруженных сил. Поэтому

обратим внимание на тактику, выбранную царем Македонии во время вражеского нашествия. Учитывая слабость своей пехоты, Пердикка II рассредоточил её по укрепленным поселениям, сделав в этой кампании ставку на тяжеловооруженную конницу. Как следует из текста Фукидида, македонские всадники были защищены доспехами и хорошо вооружены, что делало их опасными противниками на поле боя. В рукопашных схватках они неизменно одерживали верх над вражескими воинами, и только подавляющее численное превосходство фракийцев позволяло им отражать эти атаки. Македоняне вели против войск Ситалка малую войну, царские кавалеристы действовали как заправские партизаны, нападая на вражеские отряды из засад. Время шло, начались холода, у фракийцев возникли проблемы с продовольствием, а успехи Ситалка были весьма сомнительны. В это время Пердикка II начал с ним переговоры. В итоге правильно выбранная тактика в сочетании с дипломатическими усилиями привели к тому, что фракийцы были вынуждены покинуть Македонию.

Согласно свидетельству Фукидида, македонский царь Архелай (413–399 гг. до н. э.) провел некие военные реформы, но в чём был их смысл, неизвестно. В течение длительного времени правителям Македонии удавалось противостоять агрессии соседей, однако делалось это с большим трудом. Ситуация осложнялась вмешательством ведущих греческих полисов во внутренние дела Македонии, что самым

негативным образом сказывалось на положении дел в стране. Во время правления Аминты III (392–369 гг. до н. э.) разразилась ожесточенная война между македонянами и иллирийцами во главе с царем Бардильом. Одновременно начались боевые действия на востоке, где лига греческих городов во главе с Олинфом начала наступление на македонские земли. Дошло до того, что олинфяне захватили столицу Македонии Пеллу. В этой критической ситуации Аминта III обратился за помощью к спартамцам и с их помощью отразил вражеское нападение.

Пелла – столица Древней Македонии. Фото А. Великанова

После смерти Аминты царем стал его сын Александр II, однако через год он погиб в результате заговора придворных. После нескольких лет борьбы за власть на троне Македонии закрепился второй сын Аминты, Пердикка III, но в 360–359 гг. до н. э. иллирийцы под командованием царя Бардила разгромили македонскую армию и убили Пердикку (97,41). Его сын, Аминта IV, был ещё слишком мал, чтобы возглавить борьбу с иллирийским нашествием. В этот критический для Македонии момент к власти пришел младший брат Пердикки Филипп, сначала правивший как регент при малолетнем племяннике, но затем провозглашенный царем.

При жизни братьев Филипп в течение некоторого времени был отстранен от государственных дел, поскольку был отправлен заложником в Фивы, сильнейший полис Эллады. Пребывание в этом городе явно пошло царевичу на пользу: *«... он пробыл три года в качестве заложника в Фивах; в этом городе, где господствовала древняя суровость нравов, в доме величайшего философа и полководца Эпаминонда он еще мальчиком получил прочные основы воспитания»* (Just.VII,5). Но дело было вовсе не в воспитании, а в том, что молодой человек своими глазами увидел фиванскую военную организацию. Фиванские гоплиты считались лучшими бойцами Греции, а Эпаминонд – величайшим полковод-

цем эпохи.

Оказавшись во главе Македонии, Филипп пришел к очень простому и логическому выводу – спасти государство от гибели может только сильная и боеспособная армия, отвечающая всем требованиям эпохи. Македоняне были храбрые люди, но существующая в стране военная организация безнадежно устарела, поскольку была неспособна обеспечивать её безопасность. И Филипп II практически с чистого листа начал создание вооруженных сил Македонии.

* * *

Согласно македонским традициям, армией командовал царь. Базилевс назначал высших военачальников, в его же компетенции находились командиры среднего звена. На высоких командных должностях служили представители знатных фамилий, здесь наглядным примером служила история Пармениона, друга и соратника Филиппа II. В битвах Парменион обычно командовал левым крылом македонской армии, нередко возглавлял и отдельные корпуса, действовавшие в отрыве от главных сил. Старший сын полководца, Филота, командовал кавалерией гетайров, средний сын, Никанор, возглавлял корпус гипаспистов, зять Кен командовал таксисом фаланги. Но со временем положение дел в армии стало меняться, к началу похода в Среднюю Азию с кланом Пармениона было покончено. После сражения при Гавгаме-

лах Александр за храбрость и распорядительность стал выдвигать на командные посты в пехоте простых солдат.

Высоким положением среди македонских командиров пользовались царские соматофилаки (телохранители), принимавшие участие в военных советах и командовавшие отдельными частями и сводными корпусами армии. Изначально соматофилаков было семь, но к концу похода в Азию Александр увеличил их количество до восьми человек: *«В это время у него было семь телохранителей: Леоннат, сын Антея, Гефестион, сын Аминтора, Лисимах, сын Агафоклея, Аристоний, сын Писея (все родом из Пеллы), Пердикка, сын Оронта, из Орестиды, Птолемей, сын Лага, и Пифон, сын Кратера, – оба из Эордеи. Восьмым прибавился к ним Певкест, прикрывший Александра щитом»* (Arr.Anab.VI, 17). Этих царских телохранителей (соматофилаков) не следует путать с воинами из агемы гипаспистов (щитonosцев), охранявших шатер базилевса. Царские щитonosцы оберегали персону монарха на полях сражений, во время похода и при проведении торжественных мероприятий. В битве при Гавгамелах Диодор Сицилийский называет Гефестиона начальником телохранителей (XVII,61), но каких именно телохранителей историк при этом подразумевал и насколько данная информация соответствует действительности, сказать трудно. Александр редко менял соматофилаков, все изменения среди телохранителей были связаны с чрезвычайными обстоятельствами. Во время боя под Гали-

карнасом погиб «*Птолемей-телохранитель*» (Arr. Anab. I, 22), в Египте умер соматофилак Арриб. Поэтому царь был вынужден подыскивать замену: «... *телохранителем вместо Арриба он поставил Леонната, сына Онаса: Арриб скончался от болезни*» (Arr. Anab. III, 5). Бывало и так, что соматофилак вызывал неудовольствие базилевса, после чего немедленно следовало суровое наказание: «... *заподозрив Деметрия, одного из телохранителей, в причастии к заговору Филоты, он арестовал его и назначил телохранителем вместо Деметрия Птолемея, сына Лага*» (Arr. Anab. III, 27). Отвечать за безопасность базилевса мог только человек, пользовавшийся исключительным доверием царя.

В Македонии существовала целая система подготовки командных кадров для армии: «*Еще Филиппом было заведено, чтобы сыновья знатных македонцев, вошедшие в юношеский возраст, набирались для услуг царю; им поручали прислуживать царю и стоять на страже, когда он спит. Когда царь собирался выезжать, они приводили ему лошадь из конюшни, подсаживали его по персидскому обычаю, принимали участие в охотничьих состязаниях*» (Arr. Anab. IV, 13). Курций Руф конкретно указывает, что для македонской знати «*это начало службы и повышения для будущих больших начальников и воздей*» (V, 1). Однако за провинности и нарушение дисциплины молодых людей ожидало жестокое наказание, царь мог приказать висеть виноватого «пажа» на глазах у товарищей и отнять у него лошадь (IV, 13).

Для решения текущих вопросов, касающихся жизни армии, существовала царская походная канцелярия. При Филиппе II и Александре Великом канцелярией руководил грек Эвмен родом из города Кардии на Херсонесе Фракийском. Эвмен имел большое влияние в армейской верхушке, *«пользовался почетом наравне с ближайшими товарищами и друзьями царя, а впоследствии, в индийском походе, был назначен полководцем с правом самостоятельного командования»* (Plut. Eum.1,1). Как это ни парадоксально, но во время войн диадохов именно царский секретарь проявит себя самым талантливым военачальником среди полководцев Александра Великого.

* * *

Основой боевого порядка новой армии Филиппа II была фаланга сарисс, комплектовавшаяся по территориальному принципу из крестьян и пастухов Верхней и Нижней Македонии. Нам известны подразделения из Элимиотиды, Стимфайи, Линкестиды и Орестиды (Diod.XVII,57). По мнению Филиппа, такой способ набора усиливал сплоченность армии, поскольку теперь воины сражались в одном строю со своими земляками. Фаланга делилась на таксисы (малая фаланга) из 1536 воинов в каждом, которые, в свою очередь, подразделялись на шесть синтагм (или спейр) по 256 бойцов. Синтагма состояла из четырех тетрархий по 64 челове-

ка. Арриан также упоминает декаду – подразделение из 16 воинов, составляющих ряд в фаланге (Arr.Anab.VII,23). Р. Шеппард полагает, что изначально декада состояла из 10 человек и только в конце царствования Филиппа II её состав был увеличен до 16 воинов (110,79). Такое деление привело к тому, что резко возросла роль командиров низшего звена, которые стали получать двойное, а то и тройное жалованье по сравнению с рядовым составом фаланги. Рассказывая об экспериментах Александра по созданию фаланги нового типа, Арриан приводит некоторые сведения относительно жалованья младших командиров фаланги. Как пишет Арриан, Александр *«десятьником при каждой «декаде» назначил македонца, над ним македонца «двудольника» и «десятистатерника» (так называли воина по жалованью, которое он получал: оно было меньше жалованья «двудольника» и больше обычного солдатского). Под их началом, таким образом, было 12 персов и замыкающий «декаду» македонец, тоже «десятистатерник», так что в «декаде» находилось четыре македонца, отличенных – трое жалованьем, а один властью над «декадой», и 12 персов» (Arr.Anab.VII,23).* К вопросу о выплате жалованья в македонской армии мы ещё вернемся, пока же обратим внимание на такой момент. Желая польстить самолюбию фалангитов, Филипп II называл их педзетайрами – «пешими гетайрами» (товарищами), тем самым как бы уравнивая их с элитными тяжеловооруженными всадниками – гетайрами.

Македонская фаланга. Археологический музей Анталы.
Фото автора

Время, проведенное Филиппом в Фивах в качестве заложника, не прошло для него даром. Будучи хорошо знаком с военной организацией фиванцев, базилевс сделал в своей фаланге два радикальных отличия от классической греческой фаланги – увеличил длину копий и значительно углубил строй. Вместо традиционного копья была введена длинная пика сарисса, которую надо было держать двумя руками. Длина сариссы остается темой бесконечных дискуссий, по-

скольким источникам сообщают по данному вопросу противоречивую информацию. Согласно свидетельству Феофраста, современника Филиппа II и Александра Великого, её длина доходила до 5,4 м (12 локтей): *«Высотой кизил бывает самое большое в двенадцать локтей, т. е. в самую длинную сариссу»* (111,12,1). Полибий пишет о том, что изначальная длина сариссы была 7,2 м (16 локтей), и только в эпоху македонского царя Филиппа V она сократилась до 6,3 м (14 локтей). По информации Полиэна, *«сарисса была длиной в шестнадцать локтей»* (11,29,2). П. Коннолли предположил, что древко сариссы изготавливалось из кизила и состояло из двух частей, которые соединялись железной муфтой (69,66). Кизил считался очень прочным деревом, недаром Феофраст заметил, что *«самое крепкое дерево – это кизил»* (V,6,4).

Тит Ливий, не вдаваясь в подробности, сообщает читателям, что *«македоняне были вооружены круглым щитом и сариссой»* (IX,19). Но это слишком упрощенный подход. Помимо сариссы, каждый воин фаланги был вооружён прямым обоюдоострым мечом ксифосом, длиной до 60 см. Также педзетайры использовали фракийскую махайру – изогнутый меч, с лезвием на внутренней стороне клинка, предназначенный для рубящих ударов в рукопашной схватке. Аналогом махайры служил копие греческих гоплитов. Современные исследователи отличают махайру от кописа, основываясь на том, искривлен ли клинок вперед (копие) или назад (махайра). Изгиб рубящей кромки делал клинок более

прочным, а высокое расположение центра тяжести значительно увеличивало его пробивную силу. Тяжёлые клинки махайры и кописа доходили до 65 см и в умелых руках были страшным оружием. Изогнутые и прямые мечи различались прежде всего балансом.

Филипп облегчил защитное снаряжение педзетайров – вместо тяжёлого гоплитского щита в македонской армии был введён небольшой круглый щит: «македонский медный щит, не слишком выпуклый» (Leo.Tact.VI,35). Ю.Н. Кузьмин обратил внимание на некоторые особенности такого щита: «*Определение щит македонского типа*» основано на нескольких базовых характеристиках. Еще в древности Асклепидот (I в. до н. э.) в своей теоретической «Тактике» отмечал, что для воинов фаланги лучше всего подходит щит «македонский, медный, в восемь палест, не очень выпуклый». Таким образом, согласно свидетельству Асклепидота, а также и археологических находок, «македонский щит», в отличие от традиционных греческих гоплитских щитов, характеризовали маленькая выпуклость и меньший диаметр, варьировавшийся примерно от 60 до 75 см. Еще одной конструктивной особенностью было отсутствие плоской кромки и ручки с края щита. Все это давало воинам фаланги возможность использовать свободную кисть левой руки для удержания сариссы» (72,2). Существует мнение, что во время сражения педзетайр просовывал предплечье в петлю, расположенную по центру щита, поскольку кисть

приходилось освобождать для действия сариссой (110,81). Данное предположение подтверждается Плутархом, описавшим действия фалангитов в битве при Пидне: «... *македоняне по условленному сигналу разом отвели щиты от плеча и, взяв копья наперевес, стойко встретили натиск римлян*» (Plut. Aem.19). Держа сариссу двумя руками, педзетайр мог насквозь пронзить противника, что и было засвидетельствовано тем же Плутархом (Plut. Aem.20). Щиты македонян имели ещё одну характерную особенность: «*В XVIII–XIX вв. на основе анализа изображений щитов на македонских монетах понятие “щит македонского типа” было расширено. В него стали включать и особый орнамент – изображение по периметру щита полукругов и эллипсов, а также наличие в них, а иногда и в центральной части щита астральной символики*» (72,2). Это очень хорошо видно на фресках из гробницы в Агиос Афанасиос.

Воин в панцире торакс и с фригийским шлемом. Афины. Национальный Археологический музей. Фото автора

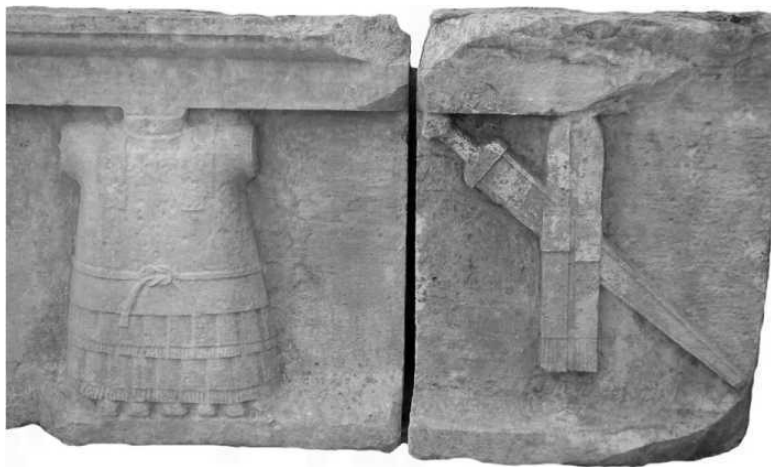
Во время Пелопоннесской войны произошло значительное облегчение снаряжения тяжеловооруженных пехотинцев, воины практически отказались от панцирей, используя в качестве защиты гоплитский щит. Большую популярность получили открытые колоколообразные шлемы-пилосы, позволявшие воину лучше видеть поле сражения. Ко времени реформ Филиппа II ситуация несколько изменилась, поскольку в греческих армиях появились бронзовые анатомические панцири тораксы, гемиотораксы и изготовленные из льна линотораксы.

В македонской армии получили большое распространение льняные панцири, изготовленные из нескольких слоёв ткани, склеенных между собой, и иногда усиленные металлическими пластинами.

П. Коннолли сделал такой панцирь. По словам исследователя, *«его оказалось трудно надевать из-за жесткости, но, чуть попривыкнув к доспеху, можно было ощутить, что в нем легко и удобно двигаться»* (69,52). Можно предположить, что бронзовые тораксы носили командиры среднего звена, служившие в фаланге.

Интересную информацию относительно защитного снаряжения македонян сообщает Полиэн: *«Александр предоставил (бегуцим) воинам взамен панциря полупанцирь, что-*

бы они, оставаясь на месте, имели защиту, поскольку были закрыты спереди, а убегая, не могли защищать спину. Никто поэтому более не бежал, опасаясь оказаться незащищенными, но всегда, оставаясь на месте, побеждали» (IV,3,13). Скорее всего здесь речь идет о панцирях-гемиотороках, прикрывавших грудь, но не защищавших спину солдата. Другое дело, насколько достоверна информация о бегстве македонян с поля боя, в результате чего Александр был вынужден применить такую оригинальную меру воздействия.

Панцирь линоторакс и меч ксифос. Археологический музей Сиде. Фото автора

Македонские тяжеловооруженные пехотинцы использовали шлемы фригийского, фракийского и халкидского типа, многие сариссофоры носили шлемы-пилосы. Особенно интересны были так называемые фракийские шлемы, чья полумаска изготавливалась в форме усов и бороды. По поводу фригийского шлема Н. Секунда сделал интересное наблюдение: *«Некоторые из них были просто бронзовыми, однако большинство окрашивались в синий цвет, который, видимо, и был различительным цветом пехоты. Небольшое количество шлемов имело позолоченную полосу вдоль «петушиного» гребня, что могло быть признаком офицерского ранга»* (94,44–45). Комплект защитного снаряжения воина сариссофора дополняли поножи. По мнению Р. Шеппарда, это было необходимо для того, чтобы стоявшие в тесном строю педзетайры не поранили ноги своих товарищей подтоками сарисс (113,83).

Панцирь линоторакс и мечи ксифосы. Археологический музей Сиде. Фото автора

Любопытное описание снаряжения македонского пехотинца оставил Дион Кассий. Римский император Каракалла (188–217 гг. н. э.) был большим поклонником Александра Великого. Подражая легендарному полководцу, он решил воссоздать македонскую фалангу и совершить новый поход на Восток. Император *«набрал фалангу, состоявшую из одних лишь македонцев и насчитывавшую шестнадцать тысяч воинов, назвав ее «фалангой Александра» и вооружив солдат по образцу того времени. Их снаряжение включало в себя шлем, изготовленный из невыделанной бычьей шкуры, панцирь, сотканный из тройных льняных нитей, бронзовый щит, длинное копье, короткий дротик, сапоги и меч»* (Dio.Cass.LXXVIII,7). Насколько данная информация соот-

ветствует действительности? Больше всего вопросов вызывает не шлем из «*невыделанной бычьей шкуры*», а наличие дротика у фалангита. И хотя П. Коннолли, ссылаясь на Арриана и Диодора Сицилийского, утверждает, что сариссофоры использовали дротики, в это верится с трудом (69,67). Педзетайры – это не римские легионеры, метавшие пилумы в противника и продолжавшие сражение мечами. Фалангиты были вооружены тяжелыми двуручными сариссами, что не позволяло им применять метательное оружие. Если сариссофоры когда и бросали дротики, то только там, где применение пик исключалось (например, во время осады городов).

Новшеством со стороны Филиппа II было и то, что теперь обеспечение македонской пехоты оружием и доспехами происходило за счет государства. По крайней мере именно так можно истолковать сообщение Диодора Сицилийского о перевооружении армии Александра Великого в Индии: «*Привезено было полное и превосходное вооружение для двадцати пяти тысяч пехотинцев и на сто талантов лекарственных снадобий*» (XVII,95). Обратим внимание, что македонское командование заботится не только о снаряжении своих солдат, но и об обеспечении личного состава необходимыми лекарствами. Свидетельство Диодора о поставках снаряжения в армию Александра подтверждает Курций Руф: «*Мемнон доставил ему... 25 тысяч шлемов и щитов с чеканкой из золота и серебра; раздав их воинам, царь приказал сжечь прежние*» (IX,3). О плате за доспехи даже речи нет. Подоб-

ный подход к проблеме вооружения армии со стороны македонских царей был новаторским. Это в корне меняло ситуацию, поскольку ставило армию Македонии в более выгодное положение по сравнению с другими военными организациями эллинского мира, где подобная практика отсутствовала. Хотя к системе обеспечения личного состава армии оружием и доспехами за счет государства Филипп II пришёл не сразу, а по мере роста своих успехов во внутренней и внешней политике и наполнения золотом государственной казны.

В отличие от классической дорийской фаланги, насчитывавшей 8 шеренг, глубина фаланги македонской могла меняться в зависимости от обстоятельств и достигать от 8 до 16 рядов в глубину, а иногда и до 32 (Polyb. XII, 19; Curt. III, 9). Длинные пики и глубокий строй давали неоспоримое преимущество педзетайрам над их противниками, в том числе и над греческими гоплитами. Что же касается иллирийцев, фракийцев и народов Азии, то в прямом столкновении с македонской тяжеловооруженной пехотой они изначально оказывались в проигрышном положении: «... любая варварская народность и толпа легковооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой» (Strab. VII, III, 17). В этом случае фаланга просто сминала боевые порядки противника.

Один из изображенных на рельефе воинов носит панцирь

Перед битвой полководец обращался к фалангитам, воины же, в свою очередь, приветствовали военачальника: *«Солдаты тотчас же увидели его и ответили на приветствие по-македонски, а потом подняли с земли щиты, ударили в них сариссами и воинственно закричали, вызывая врагов на бой, так как их полководец был теперь с ними»* (Plut.Eum. 14). В наступление педзетайры шли с боевым кличем «Ала-ла-ла-лай», взывая к Аресу Эниалию (94,40). Зрелище было устрашающее. Римский полководец Эмилий Павел, мужественный человек и опытный военачальник, был поражен грозным видом идущих в атаку сариссофоров: *«Консул Луций, никогда раньше не видавший фаланги, впервые видел ее теперь у Персея и впоследствии неоднократно признавался в беседах с римлянами, что не знает строя грознее и ужаснее македонской фаланги, а он больше всякого другого не только наблюдал сражения, но и участвовал в них»* (Polyb.XXIX,17). Полибию вторит Плутарх: *«... ему стала понятна вся сила этого сомкнутого, грозно оцетинившегося строя; никогда в жизни не видел он ничего более страшного и потому ощутил испуг и замешательство, и нередко впоследствии вспоминал об этом зрелище и о впечатлении, которое оно оставило»* (Aem.19).

Шлем и поножи. Эфес. Фото автора

Если фаланга шла в атаку одним крылом, а второе оставалось на месте, то такая фаланга называлась «ко-

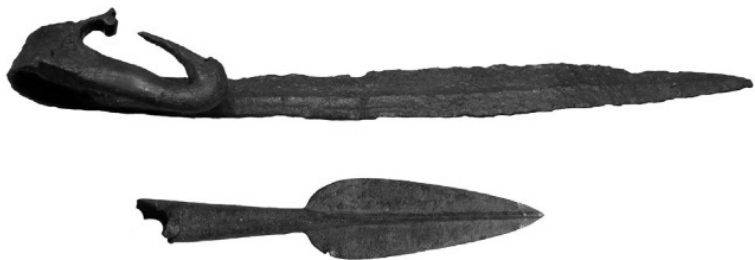
сой» (Arr.Tact.XXVI). Этот маневр безукоризненно выполнял Александр Великий. При появлении в тылу фаланги вражеских отрядов, сариссофоры производили контрмарш – разворачивали фронт лицом к неприятелю. Существовало несколько видов контрмаршей – македонский, критский и лаконский (Arr.Tact. XXIII). Как отметил А. К. Нефедкин, *«для подобного перестроения нужна была особо тщательная выучка войск, которой, собственно, и славилась македонская армия»* (5,117). В обороне фалангиты тесно смыкали ряды, такой маневр назывался синаспизмом: *«Синаспизм» же получается, если уплотнить фалангу до такой степени, что из-за густоты невозможен будет даже поворот строя в обе стороны»* (Arr.Tact.XI). Если противник атаковал с двух сторон, то военачальник выстраивал «двустороннюю» фалангу (Arr. Tact.XXIX). Команды отдавались либо голосом, либо видимыми знаками, либо трубой (Arr.Tact.XXVII). Когда фаланга сдавалась на милость победителя, воины поднимали вверх сариссы (Liv.XXXIII,10).

Бронзовая поножа. Афины. Национальный Археологический музей. Фото автора

Отправляясь в Азиатский поход, Александр оставил в распоряжении наместника Македонии Антипатра 12 000 пехотинцев (Diod. XVII,17). Говорить о том, что все они являлись сариссофорами, не приходится, поэтому логично предположить, что под командованием Антипатра было шесть таксисов фаланги. Остальные пехотинцы были легковооруженными воинами. Описывая битву при Гавгамелах, Арриан называет имена командиров такисов фаланги и показывает их расположение в строю. На правом фланге стоял таксис Кена, Полемократова сына, *«затем Пердикки, Оронтова сына; потом Мелеагра, Неоптолемова сына; затем полк Полиперхонта, сына Симмии; затем Аминты, сына Филиппа. Этим полком командовал тоже Симмия, так как Аминта был отправлен в Македонию набирать войско. Левое крыло македонского войска занимал полк Кратера, Александра сына»* (Arr.Anab.III,11). Полиперхонт был назначен командиром таксиса вместо Птолемея, сына Селевка, погибшего в битве при Иссе (11,12). Обращает на себя внимание тот факт, что в битвах при Иссе и Гавгамелах именно таксис Кена занимал почетный правый фланг. Есть мнение, что это не просто случайность. Поскольку таксис из Элимиотиды считался элитным, а его воины назывались астетайрами (городскими гетайрами), то они могли пользоваться среди осталь-

ных сариссофоров определенными привилегиями. По мнению Р. Шеппарда, астетайры отличались лучшей подготовкой и вооружением, что позволяло им сражаться на стыке фаланги и корпуса гипаспистов (110,80). Именно астетайры Кена первыми ворвались в Тир.

Меч копие и наконечник копья. Афины. Национальный Археологический музей. Фото автора

Впрочем, на ситуацию с астетайрами можно взглянуть и с другой точки зрения. Арриан конкретно пишет о том, что таксисы в фаланге занимали место на правом фланге в порядке очередности: «... *каждый стратег стоял в том ряду, который ему на тот день выпал*» (Агг. Анаб.1,28). Косвенно это подтверждается тем, что в битве при Гранине на почетном правом крыле фаланги находился таксис Пердикки (Агг. Анаб. I,14). Поэтому можно предположить, что в битвах при Иссе и Гавгамелах астетайры Кена сражались не потому,

что имели привилегированное положение, а потому что просто подошла их очередь. Изучив фигуры «Сидонского саркофага», Н. Секунда высказал мнение, что астетайры носили пурпурные туники (94,48), но насколько это соответствовало реалиям эпохи, сказать затруднительно. Неизвестно, есть ли вообще изображение астетайров на саркофаге.

Связующим звеном между кавалерией и фалангой служил корпус гипаспистов (щитоносцев), отборное подразделение средней пехоты. По своему снаряжению эти воины больше напоминали греческих гоплитов, чем педзетайров, поскольку вместо пик были вооружены обычными копьями (дори). Об этом писал П. Коннолли: *«Похоже, что вооружены они были как обычные гоплиты – копьем и аргивским щитом»* (69,67). Соответственно, размер щитов у гипаспистов был больше, чем у фалангитов. Возможно, щитоносцы носили панцири линоторакс, шлемы фригийского, фракийского и халкидского типов. Мнение о том, как выглядели гипасписты, высказал Н. Секунда: *«Из пяти гоплитов на «Саркофаге Александра» один изображен без панциря, и мы можем идентифицировать его фигуру как гипасписта. Он имеет одежду и снаряжение греческого гоплита до проведенного Филиппом перевооружения. Хитон, спущенный с правого плеча для большей свободы движений, можно определить как греческую эксомиду (exomis). Из всей пехоты только гипасписты носили обувь. Во время погони за Дарием гипаспистов сажали на лошадей за спину конникам, так что, воз-*

можно, башмаки предназначались именно для этих случаев» (94,48). Но насколько это предположение соответствует действительности, сказать трудно. По крайней мере утверждение насчёт обуви легко оспорить. Потому что одно дело, как представлял себе скульптор или художник античности македонских воинов эпохи Александра и совсем другое дело – самому прогуляться босиком по земле Греции и Анатолийского полуострова. Особенно по каменистой и горной местности. Поэтому я никогда не поверю, что македонские тяжелооруженные пехотинцы сражались босиком, бодро выбивая голыми пятками пыль из азиатских дорог. На фресках из гробницы в Агиос Афанасиос македонские воины изображены в обуви. Как уже отмечалось, римский император Каракалла был большой поклонник Александра Великого и во всём подражал великому завоевателю. Поэтому одевался, как македонский солдат: *«Появлялся он, имея вид македонца, нося на голове белую широкополую шляпу, а ноги обув в сапожки»* (Herodian.IV,8). П. Фор также пишет о том, что македоняне носили обувь (99,329).

Македонская обувь. Фрагмент статуи Александра Великого из Перге. Археологический музей Анталыи. Фото автора

В бою щитоносцы прикрывали наиболее уязвимые участки боевого строя сариссофоров – фланги и одновременно служили связующим звеном между фалангой и кавалерией. Гипасписты были сведены в три хилиархии по 1024 воина в каждой (110,85) и отличались от фаланги очень большой мобильностью. Из них же формировалась и «агема» – пешая гвардия македонских царей, охранявшая ставку базилевса. Арриан называет её «агема щитоносцев» (III,11), а служивших в ней гипаспистов «царские щитоносцы» (III,13). Историк конкретно разделяет собственно гипаспистов и воинов агема, подчеркивая, что именно последние были телохранителями при царской особе (Arr.Anab.IV,30). С самого начала восточного похода Александра в Азию бессменным командиром гипаспистов был Никанор, сын Пармениона. После его смерти в 330 г. до н. э. им стал Неоптолем (Plut.Eum.1), «один из друзей, Эакид родом», некогда первым поднявшийся на стену Газы (Arr. Anab.11,27). Во время боев под Галикарнасом упоминаются некие Филот и Гелланик (Arr.Anab.I,21), возможно, это были командиры подразделений гипаспистов. В Индии агемай гипаспистов командовал Селевк, сын Антиоха, будущий основатель державы Селевкидов (Arr. Anab. V,13). Гипасписты сражались на наиболее опасных участках фронта, что приводило к потерям сре-

ди командного состава – под Галикарнасом погиб *«хилиарх Адей»* (Arr.Anab.I,22), командир Адмет, *«отличавшийся мужеством и силой»* (Diod.XVII,45), был убит ударом копья при штурме Тира (Arr.Anab.II,23).

В бою гипасписты располагались на правом крыле македонской армии, между кавалерией и фалангой. На правом фланге корпуса щитоносцев всегда стояли царские гипасписты (Arr.Anab.III,II), следом выстраивались *«прочие щитоносцы, соблюдая первое место за теми, кому оно выпало на тот день»* (Arr.Anab.V,13). Александр периодически разделял армию на несколько корпусов и во главе сводного отряда, куда наравне с конницей и мобильными войсками входили гипасписты, совершал стремительные марш-броски. «Щитоносцы» участвовали практически во всех рейдах легендарного полководца, в том числе и в знаменитой погоне за Дарием III. Согласно Диодору Сицилийскому, в армии Александра Великого, отправившейся на завоевание Азии, тяжелооруженных македонских пехотинцев насчитывалось 12 000 (Diod.XVII,17).

Предположительное изображение гипасписта на Сидонском саркофаге. Стамбул. Археологический музей

Мобильные войска в армиях Филиппа II и его сына в основном набирались среди племен и народов, находившихся в той или иной степени зависимости от Македонии. Это были агриане, фракийцы и иллирийцы, хотя среди легковооруженных воинов числились греки и македоняне. Информации об этих воинских контингентах сохранилось немного. Однако благодаря Диодору Сицилийскому нам известна численность данных подразделений: *«Одрисов, трибаллов и иллирийцев следовало за ним пять тысяч; лучников, так называемых агриан, тысяча»* (Diod. XVII,17). Обратим внимание, что в список не вошли мобильные войска греческих союзников.

Среди легковооружённых воинов в македонской армии заслуженной славой пользовались агриане, искусные метатели дротиков (Диодор ошибся, назвав их лучниками). Арриан же называет их *«агрианами-дротометателями»* (Anab.1,14). В самом начале своего царствования Александр установил дружеские отношения с царем агриан Лангаром и просил его о военной помощи. Лангар встретился с Александром и *«привел с собою самых красивых и наилучшим образом вооруженных щитоносцев, какие только у него были»* (Arr.Anab.I,5). Как следует из текста, из защитного снаряжения у агриан были щиты, возможно, что это были фракийские пельты. Александр пообещал царю агриан руку своей сестры Кины, но Лангар, к сожалению, вско-

ре умер от болезни. В походе на восток в армии базилевса было 1000 агриан (Diod.XVII,17), командовал ими македонец Аттал. В битве при Иссе агриане прикрывали правый фланг македонской армии от расположившихся на горах персидских отрядов (Arr.Anab.II,9). В сражении при Гавгамелах воины Аттала вновь заняли позиции на правом фланге армии Александра (Arr.Anab.III,12). Агрриане были ударным отрядом среди легковооруженных подразделений армии, и поэтому они принимали участие во всех авантюрах Александра.

Командиром фракийских метателей дротиков из племени одрисов был Ситалк, во время операций в Киликии его отряд входил в состав корпуса Пармениона (Arr.Anab.II,5). В бою за город Саголассос в Писидии на левом фланге македонских боевых порядков стояли *«фракийцы с дротиками под командой Ситалка»* (Arr.Anab.I,28). В битве при Иссе Ситалк со своими людьми вновь расположился на левом фланге перед строем тяжеловооруженной пехоты (Arr.Anab.II,9), аналогичную позицию фракийские метатели дротиков занимали и в сражении при Гавгамелах (Arr.Anab.III,12). Во время похода в Среднюю Азию упоминается *«Птолемей, стратег фракийцев»* (Arr.Anab. IV,7). Возможно, в Экбатанах Ситалк покинул армию и вместо него царь назначил командиром фракийских метателей дротиков македонянина Птолемея.

Кроме воинов Ситалка и Птолемея, в состав армии Александра входили *«метатели дротиков Бала-*

кра» (Arr. Anab. III, 12). Балакр, сын Аминты, был крайне интересной фигурой. До завоевания Египта македонянами он командовал союзной пехотой в армии Александра, на что есть конкретное указание Арриана (III, 5). По воле царя Балакр остался в Египте, а командиром союзных пехотинцев был назначен Калан (III, 5). Но в битве при Гавгамелах мы вновь встречаемся с Балакром, теперь он командует метателями дротиков. Его воины вместе с агрианами стояли на правом фланге македонской армии против колесниц с косами и успешно справились с поставленной задачей. Вражеские повозки *«встречали градом дротиков, как только они приближались; на других у возниц вырывали возжжи, их самих стаскивали вниз, а лошадей убивали»* (Arr. Anab. III, 13). Можно предположить, что под командованием Балакра были трибаллы и иллирийцы (Diod. XVII, 17), поскольку одрисы служили под началом Ситалка.

Особый интерес представляют отряды лучников в армии Александра. Они часто упоминаются в составе македонской армии, но при этом их этническая принадлежность называется редко. Лишь рассказывая о битве при Иссе, Арриан отмечает, что *«на левом крыле впереди стояли из пехоты критские лучники»* (Arr. Anab. II, 9). Критских лучников упоминают Диодор Сицилийский (XVII, 5 7) и Курций Руф (111, 7, 9). Согласно сообщению Курция Руфа, в битве при Гавгамелах критские стрелки находились в подчинении Аттала, командира агриан (IV, 13). В сражении при Гавгамелах на правом

фланге армии Александра располагались *«македонцы-лучники под начальством Брисона»* (Arr.Anab.III,12).

Сообщения источников о командном составе лучников довольно запутаны. Арриан сообщает, что в сражении за Фивы погиб *«начальник лучников, критянин Эврибот»* (Anab.1,8). Но командовал он всеми лучниками в армии Александра или же только критскими стрелками, не уточняется. Скорее всего под началом Эврибота состояли все армейские лучники, поскольку он был критянин, а именно критяне славились на всё Восточное Средиземноморье как непревзойденные стрелки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на должность командира лучников базилевс назначил военного профессионала, хорошо знавшего своё дело. Во время вторжения в Малую Азию стрелками командовал *«Клеандр, стратег лучников»* (Arr.Anab.I,28), но он вскоре погиб во время боя за город Саголассос в Писидии. Командование принял некий Антиох, и в битве при Иссе царь расположил на правом фланге армии *«лучников под предводительством Антиоха»* (Arr.Anab.II,9). Судя по имени, новый командир лучников был македонянин. Но и Антиох долго не задержался на высокой должности, смерть подстерегла его уже в Египте: *«Умер и Антиох, начальник лучников; вместо него он поставил начальником над лучниками критянина Омбриона»* (Arr.Anab.III,5). Ещё раз оговорюсь, по моему мнению, здесь речь идет не конкретно о критских стрелках, а обо всех лучниках македонской армии, находив-

шихся под командованием уроженца с острова Крит.

Рассказывая о битве при Гавгамелах, Диодор Сицилийский упоминает «ахейских наемников» (Diod.XVII,57), занявших позиции рядом с критскими стрелками. Скорее всего это были легковооруженные воины. Дело в том, что ахейцы славились как искусные пращники, о чем сохранилось подробное свидетельство Тита Ливия: «... вызвали сотню пращников из Эгия, Патр и Дим. Там принято с детства упражняться с пращой, пуская в открытое море круглой галькой, что попеременно с песком покрывает обыкновенно морской берег. Поэтому дальностью броска они превосходят балеарских пращников и при этом бьют и верней, и сильнее. Дело в том, что у них петля пращи не из одного ремня, как у балеарцев и прочих, а тройная, для жесткости прошитая во многих местах, чтобы во время метания пуля не перекатывалась, как то бывает, когда ремень слаб, но крепко удерживалась петлей при размахе, а при броске вылетала, как пущенная тетивой. Привыкли издалека пускать камни так, чтобы они пролетали через небольшое кольцо, они попадали не то что в голову неприятельского солдата, но в то место лица, куда метили» (XXXVIII,29). Поэтому нет ничего удивительного в том, что по приказу Александра ахейских наемных пращников поставили рядом с критскими лучниками.

Но это лишь моё предположение.

Подтоки копий.

Афины. Национальный Археологический музей. Фото автора

Поэтому можно говорить о том, что в состав союзных пехотных контингентов входили как тяжеловооруженные, так и легковооруженные воины. Общее количество греческих пехотинцев Диодор определяет в 7000 человек (XVII, 17), но какой процент из них составляли мобильные войска, а какой пехота гоплитов, сказать затруднительно. Н. Секунда предположил, как мог выглядеть тяжеловооруженный пехотинец союзных контингентов в армии Александра: *«Греческая наемная пехота была снаряжена по традиционному спартанскому образцу: бронзовые гоплитские щит и шлем, однако панцирь и поножи отсутствовали. Воины были вооружены обычными для пехоты копьем и мечом и носили красную эксомиду (exomis) – хитон со спущенным правым рукавом. Изображения греческих наемников на персидской службе в такой одежде и с таким вооружением присутствуют на «Саркофаге Александра» и на «Мозаике Александра». Возможно, наемники на македонской службе носили панцири, но в этом случае их подвижность была бы снижена»* (94,52). Как уже упоминалось, командиром союзной греческой пехоты был назначен Калан (Arr.Anab.III,5), каждым союзным контингентом из определенного региона командовал собственный военачальник.

Арриан пишет, что в битве при Гавгамелах на правом фланге стояли «так называемые «чужестранцы-ветераны» со своим начальником Клеандром» (Arr. Anab. III, 12). Исходя из того, что эти воины занимали позиции рядом с агрианами и македонскими лучниками Брисона, можно допустить, что перед нами легковооруженные бойцы. Как следует из названия подразделения, они обладали большим военным опытом и были наняты за деньги. Возможно, в той же Малой Азии.

Вот, собственно, и всё, что я хотел рассказать о пехотных контингентах в армиях Филиппа II и Александра Великого. Рассмотрим положение дел в кавалерии.

По словам Александра, под его командованием сражались фессалийская, беотийская, пелопоннесская, македонская и фракийская конницы (Arr. Anab. II, 7). Но главной ударной силой армии Филиппа II была тяжеловооруженная конница гетайров. Это подразделение делилось на илы численностью в 200 кавалеристов под командованием илархов. Илы, в свою очередь, состояли из четырех тетрархий по 49 наездников, подчинявшихся тетрархам (94, 20). Исключением была «царская ила», она насчитывала до 300 кавалеристов. Этим воинов базилевс лично водил в бой. Число 300 было традиционным числом для отборных подразделений греческих полисов, достаточно вспомнить спартанских гипеев и знаменитый фиванский «Священный отряд». Филипп многое перенял у эллинов, не исключено, что позаимствовал и численность гетайров для элитной царской илы. Во время похода

да Александра Великого на Восток этим отрядом командовал Клит, сын Дропида, по прозвищу Черный (Арт.Анаб.III, 11). В дальнейшем несколько ил Александр будет объединять в гиппархии, но произойдет это накануне похода в Индию. Ганс Дельбрюк считал македонских царей создателями регулярной конницы: *«... можно сказать, что первая кавалерия была создана македонянами. Образовать тактические единицы из всадников по многим причинам... гораздо труднее, чем создавать пехотные единицы»* (51,137).

Изображение всадника на охоте. Родос, Археологический музей. Фото автора

О гетайрах Филиппа Афиней высказался очень нелицеприятно: *«Как проматывал жизнь царь Филипп со своими товарищами, пишет тот же Феопомп в сорок девятой кни-*

ге «Истории»: «После того как Филипп стал обладателем неслыханных богатств, он не просто их быстро потратил, нет, он спустил их, бросил на ветер. Как сам он был нигде не годным хозяином, так и его окружающие. Попросту говоря, никто из них не умел вести хозяйство, живя просто и скромно. Виновником этого был сам Филипп: ненасытный в стремлении к роскоши, он и брал и раздавал добро с одинаковой легкостью: у него, воина, не было времени подсчитывать доходы и траты. К тому же его товарищи, устремившиеся к нему со всех концов земли, – одни были местные, другие из Фессалии, третьи из остальной Эллады – подбирались не по достоинствам; напротив, сколько ни было среди эллинов или варваров распутников, мерзавцев и наглецов, почти все они, собравшись в Македонии, назвались товарищами Филиппа. Да и оказавшись там человек иного склада, в водовороте македонской жизни он быстро бы уподобился остальным и перенял их привычки. Как войны и походы, так и [мирная] расточительность жизни не только пробуждала в них непристойную наглость, но и доводила до распутства, почти разбойничьего» (Athen.IV,62). В дальнейшем Афиней продолжит развивать тему: «Но не только Дионисий с одобрением относился к людям, тратившим имущество в пьянстве, игре в кости и прочих беспутствах, но и Филипп. Об обоих пишет Феопомп. В сорок девятой книге он так говорит о Филиппе: «Людей благопристойных и бережливых Филипп отвергал, а любил и хвалил тех, кто

жил привольно и тешился пьянством и игрою. Он не только давал им в этом полную волю, но и позволил состязаться во всем дурном и мерзком. Каких гнусностей в них не было? И что хорошего в них было? Взрослые, они брили и выщипывали на себе волосы; бородатые, влезали друг на друга, каждый из них таскал с собой двух-трех распутников и сам был готов служить другим. Поэтому верно было бы сказать, что они – не гетайры, но гетеры, не воины, но подонки, по натуре злодеи, по привычкам блудодеи. Трезвости они предпочитали пьянство, а вместо порядка искали грабежей и убийств. Говорить правду и жить в согласии они считали ниже своего достоинства, а клятвопреступления и мошенничество полагали высшими добродетелями. Владея большей частью Европы, они пренебрегали тем, что есть, и гнались за тем, чего у них не было. В это время гетайров было не более восьмисот, но земельных доходов они получали не менее, чем десять тысяч эллинов в обширной и плодородной местности» (VI,77). Оставим в стороне рассуждения Афинейя о моральном облике гетайров, обратим внимание на интересующие нас подробности. Из текста следует, что в составе тяжеловооруженной кавалерии сражались не только выходцы из собственно Македонии, но и эллины, перешедшие на службу к Филиппу и получившие от царя земельные пожалования. По свидетельству Афинейя, гетайров было восемь сотен, но в дальнейшем их число увеличилось. Формировалась тяжеловооруженная конница по территории

альному принципу, каждая ила набиралась в определенном регионе. У Арриана есть упоминание об илах *«анфемусийской, предводителем которой был Перид, сын Менесфея, и так называемой «Белоземельной» – под командой Пантордана, сына Клеандра»* (Anab.11,8). Во время кампании против трибаллов Александр приказывает Гераклиду и Сополу *«вести на левое крыло всадников из Боттиев и Амфиполя»* (Arr.Anab.I,2). Когда после высадки в Малой Азии Александр проходил мимо города Лампсак, *«с ним шла ила «друзей» из Аполлонии, которой командовал Сократ, сын Сафона»* (Arr.Anab.I,12). Не исключено, что кавалерия гетайров условно делилась на конницу из Верхней и Нижней Македонии, на что косвенно указывает следующее свидетельство Арриана: *«Александр, выманив трибалов из леса, приказал Филоте взять всадников, набранных в Верхней Македонии»* (Arr.Anab.I,2). Но это лишь предположение.

Изображение коня. Афины. Национальный Археологический музей. Фото автора

Гетайры были вооружены «тяжелыми копьями с древками из кизила» (Арг.Анаб. III,11) – ксистонами, кривыми ма-

хайрами или прямыми кописами. Исходя из личного опыта, греческий историк Ксенофонт, хорошо знавший военное дело, отдавал предпочтение изогнутому мечу: *«Для нанесения вреда противнику мы более предпочитаем кривую саблю, чем прямой меч, потому что для всадника, с высокого места, удар саблей удобнее, чем удар мечом»* (De re eq.12). Гетайры предпочитали открытые бронзовые беотийские шлемы, которые позволяли всаднику хорошо видеть поле боя. Недаром Ксенофонт отметил, что *«лучший шлем – беотийский»* (De re eq.12). Из защитного снаряжения гетайры носили льняные панцири, усиленные металлическими пластинками. Впрочем, встречались исключения, из которых самым наглядным примером является железный панцирь, найденный в царской могиле в Вергине. Он изготовлен из четырёх пластин, передней, задней, двух боковых, и украшен золотыми полосками. На вопрос о том, были у гетайров щиты или нет, однозначного ответа дать нельзя. Во время Иллирийской кампании Александра произошел весьма любопытный эпизод, однако делать на его основании какие-либо далеко идущие выводы возможным не представляется. Произошло же следующее: *«Александр, видя, что небольшое число врагов удерживает высоту, мимо которой проходила его дорога, приказал своей охране и «друзьям» взять щиты, сесть на лошадей и скакать к этой высоте»* (Arr.Anab.I,6). Здесь хотелось обратить внимание на то, что царь приказывает гетайрам взять щиты, а это можно трактовать и так, что эти воины

щитов не имели. С другой стороны, можно говорить о том, что у гетайров щиты были, просто в данный момент они находились в обозе. В любом случае достоверно известно, что в битве при Гранике у Александра был щит (Plut.Alex.16).

На основании данных археологии, Н. Секунда предположил, как могли выглядеть воины конницы гетайров: *«Двое всадников на «Саркофаге Александра» могут быть идентифицированы как гетайры. Оба воина одеты в пурпурные туники с длинными рукавами и желто-золотые плащи с пурпурной каймой. Плащ-хламида (chlamys) – македонского типа, поэтому всадники являются македонцами, а цвета их одежды заставляют думать об элитном подразделении. Свидетельство Диодора (XVII. 77.5), что после смерти Дария Александр дал гетайрам персидские плащи с пурпурной каймой, также подтверждает наши догадки. Аналогичные сочетания цветов встречаются и в изображениях воинов эллинистического времени, которые также могут быть идентифицированы как гетайры»* (94,28). Также Н. Секунда высказал мнение, что в царской иле всадники носили пурпурные плащи с желто-золотой каймой (94,28). Как полагал исследователь, панцири гетайров были белого цвета.

В бою гетайры строились клином, информация об этом содержится в «Тактике» Арриана: *«Мы слышим, что именно клиновидными строями охотнее всего пользовались скифы и фракийцы, научившиеся у скифов. А Филипп Македонский и македонян обучил пользоваться этим строем. Ка-*

жется полезным также и этот строй, потому что командиры построены по периметру, а фронт, сведенный в острие, позволяет легко пробить любой вражеский строй и дает возможность быстро делать «поворачивания» и «возвращения». Ибо квадратные строи трудно повернуть, однако этот строй, сходящийся в острие, даже если продвигается, выдвинувшись в глубину, поворачиваясь понемногу лишь самым началом, позволит всему строю легко контрмаршировать» (Тас.ХVI). Как видим, именно Филипп II заложил основы тактики македонской кавалерии. Хотя в случае необходимости его сын менял боевое построение, как это случилось во время боя на реке Яксарт: «Сам он поспешно повел остальную конницу, построив ее глубокими рядами» (Arr.Anab.IV,4). Возможно, здесь речь идет о квадратном строе. У Арриана сохранилось описание боевого построения конницы гетайров в битве при Гавгамелах: «правое крыло занимала конница «друзей»; впереди стояла царская ила со своим илархом Клитом, сыном Дропида, за ней ила Главкия, рядом ила Аристана, потом Сополида, Гермодорова сына, потом Гераклида, Антиохова сына, за нею Деметрия, сына Алфемена, рядом с ней воины Мелеагра, самой крайней из царских ил была та, которой командовал Гегелох, сын Гиппострата. Всей конницей «друзей» командовал Филота, сын Пармениона» (Arr.Anab.III,11). В клинья могли строиться как тетрархии, так и илы, всё зависело от конкретной тактической обстановки на поле боя.

Помимо корпуса гетайров в состав кавалерии Филиппа II входили и другие конные отряды. Особый интерес вызывают подразделения, которые античные авторы называют продромами (бегунами) и конными сариссофорами. Н. Секунда пришел к выводу, что *«продромы (prodromoi) или разведчики – обозначение, применяемое обычно к четырем илам фракийской легкой конницы, входившим в состав собственно царской армии, но иногда также и к остальным фракийским всадникам»* (94,34). По его мнению, продромы и сариссофоры – это одни и те же воины, перевооруженные Александром сариссами вместо дротиков: *«При описании событий после пересечения Геллеспонта параллельно встречаются термины «продромы» и «сариссофоры»* (94,35). Аналогичной точки зрения придерживается и П. Фор (100,48). П. Коннолли, напротив, считает, что это были разные подразделения: *«... девятьсот фракийских и неонийских конных дозорных имели на вооружении дротики. Они шли впереди армии, отыскивали засады и первыми вступали в соприкосновение с противником. Александр использовал их и в качестве застрельщиков. В описании битвы при Гранине упоминаются четыре илы балканских копейщиков. Согласно Арриану («Искусство тактики»), они сражались в тесном строю, сомкнув копья»* (69,68). Как заметил Р. Шеппард, *«после переправы через Геллеспонт, термины «продромой» и «сариссофорой» используются в источниках без всякого разбора»* (110,95). Рассмотрим, что нам сообщают относи-

тельно продромов и сариссофоров античные авторы.

Предположительное изображение конного сариссофора. Фреска из гробницы Кинча. Науса, Греция

У Александра Великого было четыре илы сариссофоров. По крайней мере во время сражения со скифами на реке Танаис в составе македонской армии действуют *«четыре илы солдат, вооруженных сариссами»* (Арг.Анаб.IV,4). Накануне битвы при Гранине конные сариссофоры выполняли функции всадников разведчиков: *«Разведкой командовал Гегелох; с ним были всадники, вооруженные сарисса-*

ми» (Агг. Анаб.1,12). В дальнейшем Арриан уточнит, что разведкой командовал совсем другой человек: «*Впереди войска были у него высланы разведчики под начальством Аминты, сына Аррабея*» (Агг.Анаб.1,13). Но как следует из текста Арриана, конными сариссофорами командовал именно Аминта: «*Аминта, сын Аррабея, со всадниками-сариссоносцами*» (Агг.Анаб.1,13). Поэтому вопрос о том, кто же возглавлял македонских конных разведчиков в канун сражения на реке Гранин, остается открытым. Не исключено, что Арриан здесь просто ошибся, поскольку Гегелох был командиром илы гетайров (Агг.Анаб.III,II). Рассказывая о действиях Аминты перед форсированием Граника, Арриан отметит, что «*с ним шла ила «друзей» из Аполлонии, которой командовал Сократ, сын Сафона, и четыре отряда так называемых бегунов*» (Анаб.III,12). Соглашаясь с тем, что «бегуны» (продромы) есть конные сариссофоры, мы получаем всё те же четыре илы. Таким образом, численность продромов совпадает с численностью всадников-сариссофоров, что вряд ли может быть случайностью.

В битве при Иссе продромами (бегунами) командовал Протомах (Агг.Анаб.II,9), во время сражения при Гавгамелах Арета – «*командир копейщиков, называвшихся сариссоносцами*» (Curt.IV,15). Если исходить из того, что продромы и сариссофоры одно и то же подразделение, то данная информация подтверждается Аррианом: «*Впереди агриан и лучников стояли всадники – «бегуны» и неоны, предводи-*

тельствующие Аретой и Аристоном» (Anab. III, 12). Как видим, у конных сариссофоров и продромов один и тот же командир – Арета, что косвенно свидетельствует в пользу того, что это одно и то же подразделение. Но здесь есть одна тонкость. Арриан конкретно пишет, что сариссофоры вели разведку, а это требует от всадников соответствующих навыков и снаряжения. Однако более неудобного оружия для конного разведчика, чем сарисса, придумать сложно. Потому что разведка ведется не только на открытом пространстве, но и в лесистой местности, где длинная пика будет только мешать, цепляясь за кусты и деревья. На мой взгляд, конные сариссофоры могли прикрывать разведчиков, но не рыскать вокруг вражеского расположения с целью выяснения информации о противнике.

Поль Фор относил продромов и сариссофоров к легковооруженной кавалерии (100,48), считая одним подразделением. Иное мнение высказал Ганс Дельбрюк: *«У македонян были также сариссофоры, вооруженные копьями, которые обычно рассматривались как отряды легкой кавалерии. Однако я не мог ни в каких источниках найти основания для подтверждения этого взгляда. Вооружение длинной сариссой, пожалуй, скорее говорит о тяжелой кавалерии. Хотя гетэры и вели бой главным образом врукопашную, но при некоторых обстоятельствах они пользовались своим копьем по старому способу, т. е. для метания. Сарисса, однако, была слишком длинной, чтобы ее можно было бро-*

силь; поэтому ее носители были еще больше, чем гетэры, вынуждены к рукопашному бою; следовательно, тут приходится подумать о броневых доспехах, а это говорит о существовании тяжеловооруженной кавалерии. В бою сариссофоры находят то же применение, что и гетэры, а эти, в свою очередь, используются для разведки и преследования. Выходит как будто, что между обоими родами войск в снаряжении и в вооружении была только незначительная разница. Может быть, она заключалась только в разном происхождении воинов» (51,137). Но если принять версию о том, что на фреске в гробнице Кинча изображен конный сариссофор, версия Дельбрюка о всадниках в доспехах отпадает сама собой. Хотя, как справедливо было замечено, именно сарисса указывает на то, что этих всадников следует отнести к разряду тяжеловооруженной кавалерии. Учитывая специфику вооружения, в сражении сариссофоров могли использовать, как и гетайров, для прорыва вражеских боевых порядков.

Не меньшие споры вызывает и этническая принадлежность конных сариссофоров. Поль Фор называет этих воинов «фракийско-македонские копейщики» (100,49), П. Коннолли «балканские копейщики», И. Дройзен «македонским корпусом» (54,85). По мнению Н. Секунды, «продromы царской армии рекрутировались с территории Македонии, из присоединенных Филиппом II фракийских областей, и возглавлялись македонскими офицерами» (94,34). Об этом же пи-

сал и Р. Шеппард: «*Продромы, по всей вероятности, набирались на территории внутри границ Македонии, из фракийских провинций, аннексированных Филиппом, и несли службу под началом македонских командиров*» (110,94). Версий много, однозначного ответа нет.

После успехов Филиппа II в войнах с фракийскими племенами в состав царской кавалерии вошли конные отряды одрисов и пеонийцев. Примечательно, что И. Дройзен наряду с сариссофорами относит пеонов и одрисов к продромам: «*Наряду с пехотой стоит легкая конница, отчасти македонская, отчасти пеоны, одрисы, племена, которые истари славились своей превосходной конницей; их количества определить мы не можем. Пеонами командовал Аристон, одрисскими фракийцами – Агафон, сын Тирима, происходившие, вероятно, оба из княжеского рода. Они и македонский корпус сариссофоров под начальством линкестийца Аминты носят название продромов, разведчиков*» (54,85). Возможно, историка ввело в искушение сообщение Арриана, где говорится о том, что Александр устремился в погоню за персами, «*взяв царскую илу, один отряд «друзей», а из «бегунов» пеонов*» (Arr.Anab.III,8). Версий, почему Арриан назвал пеонийцев продромами, можно выдвинуть массу, но всё это будет не более чем предположения. По крайней мере Диодор Сицилийский конкретно отделяет пеонийскую конницу от продромов и фракийцев (XVIII,17). Пеонийская конница шла в авангарде македонской армии и по большому счё-

ту выполняла те же функции, что и продромы – вела дальнюю и ближнюю разведку. Во время одного из таких рейдов прославился командир пеонийцев Аристон. После того как македонская армия форсировала Тигр, Аристон разгромил отряд персидской конницы, сразил в поединке вражеского военачальника Сатропата и бросил его голову к ногам Александра (Curt. IV, 19).

Фракийское племя одрисов при царе Ситалке было очень могущественным, но затем утратило ведущие позиции в регионе и попало в зависимость от Македонии. Мы не знаем, воевали ли одрисы в составе армии Филиппа II, но в походах Александра Великого они участие принимали. В битве при Гавгамелах *«всадники одрисы под командой Агафона, Тиримова сына»* (Arr.Anab. III, 12) сражались на левом фланге македонской армии. В отличие от продромов одрисы и пеонийцы были вооружены не сариссами, а ксистолами. Задачей этих быстрых наездников было вести дальнюю и ближнюю разведку, нападать из засад на противника, а при победе преследовать разбитого врага. Н. Секунда высказал предположение, как мог выглядеть воин пеонийской конницы: *«Пеонская монета изображает воина в тунике с длинными рукавами, на его голове – увенчанный султаном аттический шлем. Воин сидит на лошади, покрытой шкурой пантеры, и поражает копьем пешего воина в штанах»* (94,36). По свидетельству Арриана, во время сражения фракийцы строились в клин (Tact. XVI).

Данные о численности вспомогательной кавалерии в армии Александра приводит Диодор Сицилийский: «... *разведчиков, фракийцев и пеонийцев девятьсот под командой Кассандра*» (XVIII,17). Возможно, Кассандр осуществлял общее руководство этим сводным отрядом, как мы знаем, у продромов, одрисов и пеонийцев были собственные командиры. Сариссофорами в разное время командовали Аминта, сын Аррабея и Арета, одрисами Агафон, сын Тирима, пеонийцами Аристон.

Особое место в армии Филиппа II и Александра Великого принадлежало фессалийской коннице: «*Из всех греческих народов фессалийцы слыли за лучших кавалеристов, и они же были, несомненно, первыми всадниками. Их лошади были признаны оракулом за лучших, а их конница пользовалась повсюду высшим почётом и заслуженной славой*» (41,39). По мнению Юстина, Филипп II «*внезапно напал на Фессалию, где ничуть не ожидали войны, причем напал не из жадности к добыче, а потому что страстно желал присоединить к своему войску мощную фессалийскую конницу; и создал единое непобедимое войско из пехотных и конных полков*» (Just.VII,6). Что и говорить, версия весьма оригинальная.

Тяжеловооруженная кавалерия Фессалии формировалась из аристократов, по своему вооружению эти всадники не отличались от гетайров. Перед атакой они выстраивались не клином, а ромбом: «*Именно ромбовидным строем по боль-*

шей части пользовались фессалийцы; как говорят, Илеон Фессалиец изобрел эту форму первым; мне же кажется, что, воспользовавшись много раньше изобретенной формой, он из-за нее прославился. А эта форма является наиболее подходящей для любой «перемены» строя и наиболее безопасной, так как ее трудно разбить с тыла или с флангов. Ибо у нее по углам ромба поставлены командиры: на углу спереди – иларх, а на правом и левом – так называемые фланговые стражи, на оставшемся же углу – ураг, а по косым ромба – наиболее доблестные всадники, чтобы и они в битвах играли важную роль»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.